

В подготовленную оперу своего талантливого режиссера и актера, Моск. Художественный театр, его студии и еврейский театр Габима устроили торжественный вечер памяти покойного.

Во вступительном слове директор МХТ Вл. Ив. Немирович - Данченко раскрыл огромное значение работ Вахтангова не только для молодежи МХТ, но и для его основоположников, проработавших на своей сцене уже 25 лет. Е. Б. был одним из немногих режиссеров в самом глубоком значении этого мастерства. Он проявил существенный художественный одиэт и углубил в основе культуру театра.

Вл. Ив. Немирович-Данченко указал, что Вахтангов в методах своей работы шел целиком от основного положения так-наз. школы К. С. Станиславского о внутреннем оправдании сценического творчества. Но в то время, как в самом Художественном театре оживлялся этот метод, иногда понимали его в узком и неправильном смысле неудачного слова «переживания» и иногда переходили грань искусства, впадая уже в какое-то чуждое переживание. — В это время личная работа Е. Б. Вахтангова как бы вновь раскрыл метод Станиславского, в его чисто — художественном и действительном смысле.

Внутреннее оправдание работ Вахтангова было всегда очень глубоким и чутким идейно и психологически, и созданные им образы жили точно понятием и мастерски созданной сценической жизнью.

Вахтангов начал работу в пору, когда окончательно выжили в МХТ стиль А. П. Чехова. Театр был оживлен традициями его репертуара и, как многим казалось, остановился в своем развитии на этом этапе. Но Вахтангов с удивительной легкостью большого таланта повел артистов к новым приемам, к новому стилю, к новому репертуару, — близко стало уже осуществление трагедии.

«... В Художественном театре открывались пути для создания нового театра, — театра будущего...».

Все искания и опыты, делавшиеся на других сценах, Вахтангов воспринял для своей работы, и в ней заметны различные влияния, но не подражание, а глубокое подчинение воле режиссера — артиста, остававшегося всегда верным только своему внутреннему оправданию внешней формы.

Первый акт «Друка XIV» Стринберга, второй акт «Галебика» — Ансгора и последний акт «Принцессы Турандот» — Карио Гоцци, показанные в этот вечер, оставили в целом прекрасный эффект, раскрывший всю силу и многогранность покойного режиссера. От трагедии, фантастики, глубоко-психологической драмы до легкой сказочной забавы, детской ясности и веселья, — во всем мастерство Вахтангова поражает своей глубиной и совершенством, хотя это были только первые опыты начинавшего роста режиссера.